

КОЛЛЕКЦИЯ
СОВРЕМЕННОГО
РАССКАЗА

ДИНА РУБИНА
ВИКТОР ПЕЛЕВИН

АНДРЕЙ ГЕЛАСИМОВ
АЛЕКСАНДР СНЕГИРЕВ

ЮРИЙ БУЙДА
МАРИЯ САДЛОВСКАЯ

ВЛАДИМИР ЗОЛОТАРЕВ
АРИАДНА БОРИСОВА

МАРИЯ МАРТИРОСОВА
АЛЕНА ЖУКОВА

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН
ТАТЬЯНА ТРОНИНА

ЕЛЕНА ВЕРНЕР
МАРИНА КРАМЕР

ГЕРМАН САДУЛАЕВ
ОЛЬГА ПОКРОВСКАЯ

ДМИТРИЙ БИРМАН
МАКСИМ ЛАВРЕНТЬЕВ

ИРИНА ГОРЮНОВА
ВСЕВОЛОД БЕНИНГСЕН

ПРИТЯЖЕНИЕ НЕБА

СБОРНИК

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П77

Художественное оформление серии *С. Власова*

Притяжение неба : сборник. — Москва : Издательство
П77 «Э», 2016. — 448 с. — (Коллекция современного рассказа).

ISBN 978-5-699-92356-4

Иногда человек словно оказывается между землей и небом — в те моменты, когда жизнь и смерть кажутся подброшенной в воздух монеткой и непонятно, какой стороной она упадет. Об этом история Мирьям, выжившей в аду еврейского расстрела и беззаветно любившей своего Адама; об этом — история талантливого художника, горевшего в танке и изуродованного войной до такой степени, что им пугают детей; и история девушки, влюбившейся, как ей казалось, в фашистского прихвостня...

При необычайных обстоятельствах люди открываются по-новому и оказываются способны на самое большое — великое самопожертвование, настоящую любовь или страшную подлость...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рубина Д., 2016
© Пелевин В.О., 2016
© Геласимов А., 2016
© Снегирев А., 2016
© Буйда Ю., 2016
© Розенблит М., 2016
© Золотарев В., 2016
© Борисова А., 2016
© Мартиросова М., 2016

© Жукова А., 2016
© Панюшкин В., 2016
© Тронина Т., 2016
© Вернер Е., 2016
© Крамер М., 2016
© Садулаев Г., 2016
© Карпович О., 2016
© Бирман Д., 2016
© Лаврентьев М., 2016
© Горюнова И., 2016
© Бенингсен В., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92356-4

ДИНА РУБИНА

.....

АДАМ И МИРЬЯМ

Земную жизнь пройдя до половины... да что там! — давно перевалив эту умозрительную вершину, я научилась водить автомобиль.

Сдала экзамен на права и еще месяца три по здешним законам ездила «с сопровождением», то есть с собственным мужем, человеком педантичным и обстоятельным, с безгливой гримасой наблюдавшим за моей суетливостью новичка. Черт-те что я вытворяла первое время, то и дело вскипая, бросая руль, наваливаясь на него в испуге.

Но в некий прекрасный день — промозглое и омерзительное февральское утро — я наконец оказалась одна в этом домике на колесах, в этом батискафе с рулем, в этом сухопутном корабле, где вдруг ощутила себя полновластным капитаном собственной жизни...

Нет, все это не передает... не может описать чувство упоительной... ага, уже ближе... дело в том, что я вдруг вспомнила подростковую украденную свободу, какая овладевала мной, если вместо уроков я сбегала в зоопарк или садилась в пригородную электричку и, выйдя на станции Чирчик, шлялась до вечера по окрестным полям и бахам совершенно одна. Вот нечто такое испытала я, когда впервые оказалась одна за рулем, со всех сторон укрытая

панцирем машины, всевластно свободная в направлении движения и мыслей...

Шел сильный дождь. Иерусалимский камень, которым облицованы дома и замощены тротуары, в солнечные дни впитывает воздушный жар, а к вечеру отдает его, излучая сахарное свечение, поэтому город приподнимается и дышит, как грудь спокойно спящего на рассвете...

Но этот же камень в зимние темные дни непроницаемо тверд и угрюм. Резкий ветер гонит вдоль тротуаров бытовой мусор окрестной жизни, повсюду валяются вороньи тушки сломанных зонтов, бессильных против горного ветра, и тускло отсвечивают на головах обитателей религиозных кварталов мокрые полиэтиленовые мешки, в которые они оборачивают свои недешевые шляпы.

Я запустила «дворники», и когда с монотонным шарканьем они смахнули с лобового стекла водяную пелену, успокаивая и даря вольным одиночеством, столь мною любимым, я ощутила полную отгороженность от мира и — свободу, юную украденную свободу...

Я сразу успокоилась и поняла, что со временем буду уверенно и элегантно водить эту колымагу.

«Почему бы не податься куда-нибудь... — думала я, медленно отъезжая от центральной автобусной станции, к которой только что подвезла дочь. — Скажем, поехать к Васо и Манане, похлебать грибного супчику... Да, вот именно и очень кстати: горячего грибного супу!»

Перестраиваясь с правой полосы в левую, чтобы развернуться на светофоре, краем глаза сквозь запотевшее боковое стекло я заметила пожилую даму на тротуаре. Она пыталась открыть зонт, который явно заклинило. Дождь свободно заливал ее синее пальто, почти уже черное от воды, шляпка тирольского фасона уныло сбилась набок...

Я развернулась и подкатила к ней, «подрезав» при этом белую «Хонду», возопившую вслед протяжным гудком.

— Садитесь!

Дама наклонилась к открытой дверце, вгляделась в меня. Вот теперь стало видно, что она уже стара, пожалуй к восьмидесяти, — издалека ее молодила худощавая и довольно прямая фигура в модном пальто, а также эта ухарская шляпка; но вблизи глубокие морщины откровенно являли возраст. Глаза, впрочем, смотрели цепко и даже насмешливо под высоко наведенными бровями. Вообще вблизи она не казалась такой беспомощной. И чего я всегда лезу, куда меня не просят...

— Но... куда вы едете?

— Не важно, я подвезу вас.

— Мне неловко, — сказала она. — Я вся мокрая...

— Да садитесь же, черт возьми, этой рухляди ничего уже не повредит.

Она кивнула и устроилась на заднем сиденье.

Мы поехали. Со всех сторон мне сигналили нервные местные автомобилисты. Я кого-то подсекала, внезапно перестраивалась перед светофором, обнаружив, что еду не по той полосе... Мне сейчас явно не хватало моего «сопровождения» справа с его раздраженными окликами: «Ну куда ж ты-и-и?!», и «А ну-ка сбавь!», и «Красный, красный, сто-ооп!»... Да и ливень в Иерусалиме означает не то чтобы катастрофу, но все же явное дорожное напряжение. Горки, крутые повороты, узкие улицы... а тут еще я, балда стоеросовая, неумелая и наглая...

— Так куда вам все-таки? — Я взглянула в зеркало заднего обзора. Старая дама глядела в окно с детской заинтересованностью, будто ей было абсолютно все равно, куда ее везут, лишь бы ехать.

— Мне все равно, — тут же и подтвердила она мое впечатление. — А у вас русский акцент. Вы из России?

— Да... Но все же я не могу бесконечно кружить по улицам! Я сегодня впервые за рулем одна.

— Я вижу. — Она перешла на русский. — Вы ужасно водите, но очень отважно... Не знаю, наверное, мне надо

вернуться в отель, ничего другого не остается. Это недалеко, на площади Сиона...

У нее тоже был небольшой акцент, я не могла понять какой — похоже, американский.

— Но вы для чего-то же выехали в город?

— Да... но встреча сорвалась... Меня должен был забрать отсюда в Реховот сын моего мужа... Он хотел показать мне его могилу...

Я чуть не клюнула и без того помятую «Шкоду», резко надавив на тормоз.

— Могилу... чью могилу? — И опять взглянула на нее в зеркало. Все то же отрешенное лицо старухи и тот же при этом молодо цепкий взгляд в окно.

— Мужа моего...

Повисла пауза. Ну что ж, возраст у нее почтенный... Всяко может произойти с памятью...

— А вы... вы что, забыли, где он похоронен? — осторожно спросила я.

— Я никогда не была на его могиле, — сказала она просто. — Ну и, выходит, не суждено... Завтра уезжать... Не важно, все это неинтересно... — Она досадливо поморщилась. — Но мне сегодня абсолютно нечего делать.

Дали зеленый... поехали... Странная старуха, подумалось мне. Явно заговаривается... Хотя ей не шло это слово — старуха. Все-таки она оставалась именно дамой, старой элегантной дамой...

Между тем я приняла некое решение:

— Вы завтракали?

— Я не ем так рано...

— Но сейчас уже двенадцать. Послушайте... День у вас насмарку, вы промокли, зонтик явно сломан, в отеле скучно... А у Мананы и Васо подают отличный грибной супец в глиняном горшке.

Мы находились уже в пяти минутах ходьбы от харчевни, следовало куда-нибудь приткнуться. Я только начала ос-

ваивать эту смешную привязанность к своей машине, которую невозможно бросить абы где... И вдруг увидела отличное место для парковки! Это дождь сделал мне подарок. Отыскать среди дня в центре Иерусалима клочок асфальта с муниципальным прожорливым счетчиком — нужна невероятная везучесть.

Я алчно устремилась к добыче, сигнала впрок и распушивая всех вокруг, дабы никто не покусился... Сосредоточилась и стала совершать выученные на уроках вождения эти хитроумные штуки с реверсом. Переключала, крутила руль на пол-оборота... потом на полный оборот в другую сторону... Ничего не выходило! Машина вкатывалась задом в тесноватое пространство и в ровном ряду автомобилей вставала как кривой зуб в челюсти. Я выезжала вновь, загоняла ее носом к тротуару, и тогда на дорогу высывалась ее пухлая задница, словно ожидая и даже упрасывая, чтобы кто-то поблагородней дал ей хорошего пенделя.

— Хотите, я? — предложила вдруг моя пассажирка. Она с любопытством следила за этими беспомощными выкрутасами.

— Давайте!

Я вышла, она пересела на водительское место и — как во сне, я не поверила своим глазам! — тремя поворотами руля, совершенными одной рукой, вернее одной ладонью, вогнала машину точнехонько в тесное гнездо между серой «Даятсу-Апплауз» и синим «Фордом».

— Черт побери! — ахнула я, забирая ключ. — Вот это да. Сколько же лет вы за рулем?

Она засмеялась, поднимая воротник пальто:

— Совсем немножко. Сорок пять...

Я раскрыла над нами зонт и взяла ее под руку; мы тесно прижались, набычились против хлеставших струй и за три минуты — по мокрым плитам тротуара, через знакомую подворотню и цепочку проходных дворов, то поднимаясь,

то спускаясь на несколько ступеней, — добрались до нужного переулка. Мне даже не пришлось сбавить шаг — старая дама довольно легко поспешала на немаленьких каблучках, излишних, на мой взгляд, в этой гористой местности.

Я опасалась, что мои грузины еще отсыплются после какого-нибудь вчерашнего пиршества, но железная калитка во двор была отворена.

— Сюда... — пропустила ее вперед. Придерживая на затылке свою легкомысленную шляпку, она задрала голову и стала рассматривать типично иерусалимский дворик, мощный ноздреватыми плитами все того же местного камня. От калитки до двери в полуподвал арками шли над головой металлические перекрытия, оплетенные черными от дождя виноградными сухожилиями. На одной из ветвей скукожилась забытая гроздь, какую у нас в Ташкенте называли «заизюмленной».

Весь этот старый двухэтажный дом, настоящий иерусалимский дом мощной каменной кладки, с арочными сводами притолок и тяжелыми деревянными дверьми, с огромной плоской крышей — летними вечерами живой и заполненной до отказа, — Васо и Манана уже много лет снимали под ресторан.

На террасу второго этажа винтом взлетала наружная лестница.

— Нет-нет, вот сюда... вниз... осторожней, тут ступени...

Дверь в полуподвал была приотворена, и оттуда тихо звучала традиционная трехголосная а капелла, грузинский мужской хорал, прекрасней которого я мало что знаю на свете.

Внутри было безлюдно и полутемно — видать, только что открылись; тусклыми желтыми полукружьями светились бра на каменных стенах, завешанных коврами, бурдюками, постерами с вывесок Пиросмани; на глубоком

метровом подоконнике узкогорлой шеренгой вытянулись кувшины с грузинским вином... Не очень большая комната — шесть столов, покрытых сельскими дерюжками. Стиль — грузинский духан.

— О, здесь очень мило... — сказала дама, расстегивая пальто. И опять удивила меня — под пальто на ней оказался молодежный свитерок на молнии, из тех, дешевых, которые в этом году расхватывали подростки. Моя дочь тоже купила два таких и носила их попеременно не снимая.

Кроме того, она оказалась худа, но не старушечьей костлявой худобой, а просто худоцава и длиннонога. Брюки — на бедрах — тоже явно куплены были в том же магазине молодежной моды.

Я отвела глаза и весело подумала, что оригинальная бабулька своим неожиданным прикидом уже отработала суп, которым я собралась ее угостить.

Я была здесь своей, в том смысле, что частенько приходила сюда с гостями — друзьями, знакомыми, заглядывала с мужем или одна, если надо было перекантоваться час-другой между встречами; перепробовала все чудеса их скатерти-самобранки, но предпочитала несколько блюд, всегда отменных.

Манана готовила сама, никому не доверяла.

Из коридора шесть узких и крутых ступеней вели в кухню, где было, наоборот, очень светло, уже что-то гремело, звякало, шкворчало и раздавались голоса... Я поднялась туда и увидела Манану и одну из официанток, Ольгу, потруненную замедленную... Манана, крашенная блондинка, большая и плавная, как почти все массивные люди, источала неторопливую благость и добросердечие; она курила, сидя у полукруглого окна, закинув ногу на ногу. Под мощными лампами дневного света ее голые колени светились двумя ослепительными белыми шарами... При виде меня Манана улыбнулась и широко повела рукой с сигаретой,

то ли здороваясь, то ли благословляя, то ли приглашая в дом... Ольга же — на мое «...внизу и с гостьей!» — сразу принялась заваривать ягодный чай, мой любимый, который заказываю обычно еще до всяких блюд.

Пока я отсутствовала, моя попутчица сняла и шляпку и оказалась с короткой мальчишеской стрижкой, вернее абсолютно седым ежиком. Спускаясь по ступеням, я увидела этот серебристый хрупкий затылок и только мгновение спустя поняла, что он принадлежит моей старой даме.

Она сидела за столом спиной к ступеням и боком к единственному окну, выходящему во дворик вровень с землей, отчего за стеклом иногда возникала трехцветная кошка, полудомашняя. Летом, случалось, эта наглая животина впрыгивала через окно прямо на стол. Обстановка здесь была самая свойская...

По углам в каменных нишах под сводчатым беленым потолком были спрятаны динамики. И после короткой паузы над нашими головами зазвучала «Шен хар венахи», как всегда — волной глубокой и благодатной грусти. Два верхних солирующих голоса выплетали прихотливый орнамент на фоне протяжного баса, что тесными шажками полутонов переступал вверх и вниз по ступеням мелодии...

— Меня зовут Мирьям, — сказала дама.

Я тоже назвалась.

— Хотите, расскажу о районе, где мы находимся? — предложила я. — Он называется Нахалат-Шивъа, это один из самых старых...

— Не надо, — остановила меня Мирьям и улыбнулась. — Я прожила в Иерусалиме изрядную часть жизни и с этим районом знакома... Знаете, что раньше было в этом подвале? Здесь много лет сидел Пабло, старик из Уругвая... Чинил и настраивал музыкальные инструменты... Конечно, он давно умер. Но мне приятно, что эти старые камни до сих пор слушают музыку... Григорианский хорал, да?

— Нет... — сказала я. — Это грузинское хоровое пение, «Шен хар венахи», знаменитая старинная песня...

— Вы хорошо знаете грузинскую музыку?

— Нет, просто один из этих голосов... высокий такой, слышите, он как бы оплетает полутонами мелодию второго тенора... это голос Басила, хозяина заведения... Он до приезда в Иерусалим пел в фольклорном ансамбле... А я столько супов здесь выхлебала, что научилась слышать голос Васо отдельно ото всех.

— И о чем же он поет?

— Это на старогрузинском. Мне Васо переводил... постараюсь вспомнить... Ну, если приблизительно... скажем, так:

Ты — виноградник, что вновь расцвел,
юный, добрый, прекрасный, посажен в Эдеме —
благоуханный плод, возвращенный в раю... —

что-то в этом роде...

— Красиво... — задумчиво проговорила она. — Как? Благоуханный плод? Возвращенный в раю?.. В раю... Красиво... Это, конечно, о женщине...

— О женщине, — согласилась я... — Или о Боге...

Мирьям внимательно оглядела накрытые льняными скатертями грубые деревянные столы...

— Не думала, что так ясно вспомню Пабло... Он был маленький, живчик... Вон там, в углу, стояли клавикорды, два клавиесина, по стенам развешаны скрипки, две-три гитары, мандолина, старинная лютня... Здесь даже барочная скрипка была и виола да гамба — чего только не приплывало в пустынную Палестину! И на столах у той вон стены рядком лежало столько разных диковинных дудок, свирелей, бубнов, трещоток... По этому хламу вполне можно было изучать историю музыкальных инструментов народов всей земли... Мы сюда иногда заходили с мужем... У него были потрясающие способности к музыке, он сразу начи-

нал играть на любом инструменте, даже на таком, который впервые видел...

— Это звучит несколько... фантастично, — заметила я.

— Да-да! — живо отозвалась она. — Однажды в юности это спасло его. В гетто. Герр Менцель, комендант, был страстным меломаном и довольно хорошим флейтистом. Он услышал, как Адам играет на мандолине, и приказал являться на репетиции квартета, который организовал там, в гетто. Но партии мандолины не было в нотах, которые имел герр Менцель, поэтому Адаму пришлось освоить скрипку.

Явилась Ольга с *партитурами* меню. Она несла их, обнимая и прижимая к животу, как студенты консерватории носят ноты на репетициях.

Мирьям раскрыла твердые коричневые створы, пробежала взглядом по кудрявым строчкам, набранным псевдо-грузинским шрифтом.

— Послушайте моего совета, — сказала я, накрыв ладонью ее крапчатую старческую руку. — Здешний грибной суп, да еще в такой ливень, может поистине украсить жизнь двум бродяжкам вроде нас с вами.

Она засмеялась, захлопнула меню и откинулась к высокой спинке стула:

— Идет! Но и выпить что-нибудь, непременно...

Некоторое время при участии заинтересованной Ольги мы выбирали между «Изабеллой» и «Киндзмараули...», трижды склонялись в ту и дважды в другую сторону. В конце концов остановились на «Хванчкаре».

— Я раскрою ваш зонт на кухне, чтобы высох, — сказала Ольга. Затем принесла чайник и две чашки, разложила салфетки... Когда она ушла, я выждала несколько мгновений, несколько тактов мужественно звучащего хора, чтобы не обнаружить так скоро мой гончий интерес к новому собеседнику, жадный голый интерес, которого я вечно стыжусь и не могу преодолеть...

— О каком гетто вы упомянули? — осторожно спросила я.

— О Гродненском, — ответила она и потянулась налить себе чаю из чайника.

Прозрачная пунцовая струя заполнила ее высокий стакан, который мгновенно запотел, вытолкнув на поверхность сушеные мячики ежевики, смородины и голубики...

— О-о... какой интересный букет... — Она с удовольствием вдохнула пар над стаканом. — Все ароматы леса — как в рекламе!

Нам принесли по бокалу «Хванчкары» — вина чуть более терпкого, чем мне нравится, из тех, что делятся долгим шершавым эхом после глотка где-то в глубине неба.

Мирьям попробовала, одобрительно кивнула:

— Недурно... немного похоже на «Кьянти»... — И приподняла бокал: — За очарование случайных встреч!

Я пригубила вино и благоразумно отставила бокал в сторону. Все же за рулем, да еще первый день, одна...

— И ваш муж... выжил в гетто, потому что играл на разных инструментах?

Она усмехнулась, ее морщинистое лицо под седым ежиком волос засветилось каким-то клоунским лукавством:

— О нет... Адам был не из тех, кто стал бы полагаться на немецкую страсть к музыке... Если б вы знали Адама, вы бы не задали такого идиотского вопроса... К тому же он тогда не был мне никаким мужем. Нам вообще было едва по шестнадцать лет... Такие местечковые Ромео и Джульетта, влюбленные до судорог и не смеющие прижаться друг к другу поосновательней...

— Как! Значит, и вы в то время были в гетто?

— О боже, — вздохнула она, — что вас так удивляет? В то время все евреи в тех местах были если не в армии, то в гетто, в лагерях либо уже гнили в ямах...

Я вспомнила ее странное заявление о могиле мужа и решила на всякий случай промолчать.